

Эдуард Штэйн

У КРАЯ НЕБА

Эдуард Штэйн

У края неба

«Автор»

2021

Штэйн Э.

У края неба / Э. Штэйн — «Автор», 2021

У берегов Каспийского моря раскинулась чудесная горная страна – Дагестан. Её вершины, окутанные пуховой дымкой облаков, подпирают собой голубое небо, под которым цветут сказочной красоты долины и сады, охваченные, как заботливыми руками, реками, берущими своё начало у горных вершин. В долинах и горах расположены сёла, в которых живут люди разных национальностей. Жизнь по-разному складывается у жителей этой страны, и несколько их историй я хочу рассказать в этой книге. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

© Штэйн Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ГОРДАЯ ЖЕНЩИНА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдуард Штэйн

У края неба

ГОРДАЯ ЖЕНЩИНА

повесть

'Любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников... и веселит собою соблюдающих долг свой'

Исаак Сирин

Глава 1. Всё с начала

-1-

Ладожский вокзал в это время был не многолюден. Третий час ночи. Редкие посетители проходили мимо неё.

– Ну и за что мне это всё? – постоянно возникало у неё в голове и отдавало в виски пульсирующей болью.

Машинально посмотрела на сотовый, чтобы узнать время. Деньги на счету закончились ещё вчера и она не пополнила свой счёт. Позвонить было уже невозможно, да и некому по большому счёту, кроме одной женщины с Дагестана она ни с кем не общалась в последнее время. В Питере у неё не было таких знакомых, чтобы попросить о ночлеге. Воспоминания о предательстве Володи снова всплыли из памяти, как она не пыталась об этом не думать. Слезы сами по себе наворачивались на глаза и начали душить её. С последнего места, где она ютилась в комнате с ещё пятью жильцами, пришлось уйти. Хозяйка квартиры просто выставила её за дверь. Теперь ни жилья, ни работы, ни денег... Что делать дальше? Прошло уже четверо суток, как она ,сорвавшись из Твери, где оставила дочку на попечение сестры, приехала в Питер в поисках работы, а уехать ей было просто необходимо, потому что в родном городе всё напоминало о нём – человеке, который променял её любовь на деньги.

– Может покончить разом все свои мытарства? Вокзал, поезд, рельсы... всё закончится быстро..., – промелькнуло у неё в голове, – Нет, а что с дочерью будет? Да и что я – Анна Каренина, что ли? Хотя она и сотой доли моих мучений не вынесла. Её размышления прервал мужской голос:

– Ваши документы?

– Вот только мне неприятностей с ментами не хватало, – подумала она, протягивая милиционеру паспорт.

– У Вас есть регистрация? – с ехидцей спросил он.

Она протянула ему железнодорожный билет из Твери. Три месяца она по закону сможет по нему находиться в Питере без этой дурацкой регистрации, придуманной чиновниками. Посмотрев на неё внимательно, а потом ещё раз на паспорт и билет, и буркнув что-то себе под нос, лейтенант вернул ей документы.

–Так что же дальше? – этот вопрос оставался для неё без ответа, она не видела никакого решения.

–Наверно будущее можно изменить, лишь изменив своё отношение к прошлому. Зачёркивая одно, зачёркиваешь и другое. Будущее это всего лишь продолжение прошлого и ничего более, – мелькнуло у неё в голове.

Можно было бы через свою знакомую из Дагестана, работающую в магазине “Карусель” попросить сестру выслать ей денег на обратный билет в Тверь, но она твёрдо решила – вернуться домой только счастливой, забывшей о своей поруганной несчастной любви...

-2-

Родилась она в Дагестане, село находилось недалеко от города Дербента, жители – в основном лезгины. Отец с матерью купили там участок и начали строить свой дом, получив от местных властей льготную ссуду на стройматериалы. Строительство затянулось на несколько лет. Сначала поставили палатку, построили фундамент и одну большую комнату с печкой, и потом переехали жить туда. В семье было семеро детей – двое мальчиков и пять девочек, старшая из которых жила постоянно в городе у тётки-сестры отца. Жить бы да жить в радость, но только у отца был слишком тяжёлый характер, да и выпивал он часто и “распускал” руки.

И жене от него доставалось и детям, и чем дальше – тем хуже. Отец бил всех домашних, и даже свою мать – бабушку Ярмины – единственного в доме человека, который с теплотой относился к детям – своим внукам. Его жестокость иногда просто поражала – он до смерти забил и корову, которая, как ему показалась, не стала однажды его слушать и пошла не туда, и собаку Джери – ему она не угодила тем, что однажды залаяла, когда отец сильно напился и стал гонять всех домашних, что собаке не понравилось, и она попыталась хотя бы лаем остановить его, но тирану всё было нипочём, и он совершил свою быструю расправу над бедным животным. Мать не особо защищала детей, потому как от постоянных побоев либо у неё, наверно, уже “зачерствела” душа, либо она стала до беспамятства бояться мужа, да и деваться ей с детьми было некуда – она была сиротой, а замуж её выдавал брат, с которым они уже давно расстались и не поддерживали никаких связей. Жили тем, что работали на совхозных полях и винограднике, а ещё занимались своим хозяйством – держали кур и баранов, на участке возле дома был довольно большой огород и сад с плодовыми деревьями, в котором преобладали гранаты. Дети уже с раннего возраста – в шесть-семь лет выходили работать в поле и помогали по дому, в огороде и в саду. Ярмина отличалась от всех весёлым и добродушным нравом, её неуёмная энергия позволяла ей работать больше и быстрее других, чем и стали пользоваться домашние, перепоручая ей свои различные работы по дому и хозяйству. Вставала она очень рано и, как белка в колесе, крутилась целый день – учились в школе, а затем работала то на винограднике, то в поле, то по дому, где и воду таскала и стирала и готовила, оттого наверно и была очень худенькой, но слабой назвать её было нельзя – не всякому взрослому удавалось за день осилить столько работы. В школу пошла в шесть лет, причём родители не хотели её рано отдавать учиться, но настырная Ярмина уговорила соседку, которая её любила, отвести и устроить её в первый класс. Школа в селе была уникальная – это была мазанка, в которой по каким-то причинам (скорее всего из-за её убогого вида) отказался жить председатель сельсовета. Две большие комнаты были разделены перегородкой, в них очень плотно друг к другу стояли парты, которые с большим трудом достали где-то в Дербенте и привезли в село, где сами сельчане их и покрасили, потому как в городе до этого, похоже, они не один год отслужили в какой-то школе и имели очень обшарпанный вид. Первые классы занимались в этой избе, а старшие – прямо на улице, сидя на принесённых из дома скамейках и табуретках, некоторые располагались на пяти пеньках, оставшихся от спиленных деревьев возле хаты. В таком виде школа просуществовала два года, после чего построили новую, в которой было уже десять

классов, довольно большие коридоры, но, к сожалению, ни столовую для детей, ни спортивный зал не предусмотрели, и детям приходилось кушать принесённое из дома либо на улице, либо в коридорах между уроками. Учителем начальных классов был молодой парень, закончивший техникум в Дербенте и вернувшийся в родное село заниматься преподавательской деятельностью. Он сразу ввёл строгие порядки среди младшеклассников – нарезав на окраине села гибких прутьев, очистив их от коры и сделав из них розги, стал “подчевать” своих учеников при малейшей провинности, причём в основном бил по рукам, заставляя малышей при этом держать руки на парте. Немногие жаловались родителям, но авторитет сельского учителя был высок в селе, и никто не обращал особого внимания на детские сетования, тем более что при работе в поле или дома малышам, бывало, попадало и больше. Училась Ярмина неплохо, учитывая её загруженность работой по дому и в совхозе, где после школы она работала допоздна, можно было только удивляться, когда она успевала ещё и готовить уроки. Больше всего на свете она любила танцевать и, несмотря на усталость, всегда была готова под звуки знакомой музыки станцевать лезгинку. На всех сельских праздниках, и особенно на свадьбах, лучшей танцовщицы было не сыскать. Когда и у кого она переняла эту красоту лезгинского танца, никто не мог сказать, да и она сама. Это было что-то врождённое, преданное ей с генами от далёких предков – жителей гор. Своими движениями она напоминала образ орла, особенно в тот момент, когда, поднявшись на носки и горделиво раскинув руки-крылья, плавно описывала круги, словно собираясь взлететь. Все засматривались на её танец и, поборов в себе застенчивость и смущение, тоже пускались танцевать, настолько зажигательна и эмоциональна она была. Это привлекало местных мальчишек, которые постоянно оказывали ей знаки внимания и всячески пытались ухаживать за ней, но она, соблюдая старые строгие традиции села, никого не подпускала слишком близко к себе, тем не менее они постоянно дрались между собой из-за неё. Среди всех пацанов один особенно претендовал на её благосклонность. Они были одноклассники и с младенчества росли вместе в соседних домах, и родители с детства хотели их поженить. Его мать – местная повитуха, знахарка и немного колдунья, которая была известна всей округе и помогавшая многим преодолевать свои недуги и болезни – пророчила её в невесты сыну, и постоянно ему говорила: “Ярмина будет твоей женой”. Ну он и привык в конце концов к этому и стал постоянно при встрече говорить ей, что она его будущая жена. Но его слова со временем стали вызывать у неё лишь раздражение, а он, не понимая этого, лишь “подливал масло в огонь”. Однажды в школе он подошёл к ней, чтобы в очередной раз сказать о их женитьбе, но это так разозлило Ярмину, что она закричала на весь школьный коридор:

– Я никогда не буду твоей, никогда! Ты слышишь?

Родители только и ждали когда дочери закончат школу, чтобы поскорее выдать их замуж, но этим планам в отношении Ярмины не суждено было сбыться...

-3-

Школа закончена, вот и долгожданный выпускной бал. Хоть и более чем скромное было платье на Ярмине, но мальчишки старались именно её пригласить и на танец и выпить шампанского, но она отказывалась, потому как не пила никогда спиртного и не собиралась, а упоминание о выпивке сразу рождало перед её глазами образ освирепевшего отца, готового к драке... Нет, лучше иметь трезвую голову и вести себя достойно. Праздник закончился быстро и не оставил в памяти особо ярких воспоминаний. На следующее утро родители сразу повели разговор о подготовке к свадьбе с названным женихом, тут-то и разгорелся очередной скандал. Ярмина упомянула обещание отца отослать её учиться в город, если она хорошо закончит школу, но отец только накричал на неё, сказав, что во-первых он не припомнит такого обещания, а во-вторых – у них нет денег для её учёбы, а мать в свою очередь сказала, что со свадьбой всё давно было решено.

– Но я не люблю его и не выйду за него ни за что !– крикнула Ярмина, на что отец разозлился , стал кричать и собрался в очередной раз устроить побоище , но она выбежала из дома и несколько дней туда не возвращалась, прячась у школьных подруг.

Через какое-то время на улице ей повстречалась мать и сказала, что отец уже успокоился и хочет с ней поговорить.

– Поедешь в Дербент к тётке – моей сестре, её муж пообещал тебя устроить на военный завод работать. Не хочешь замуж – тогда поезжай и работай, – сказал отец дома, когда она , набравшись смелости, всё-таки пришла.

Сборы были недолгими, как и проводы. Поцеловав своих сестёр и братьев, и немного всплакнув при этом, Ярмина отправилась в город. Тётка и старшая сестра встретили её неприветливо. Указав где она будет спать и рассказав где располагается завод и в каком цеху она будет работать, тетка сказала:”Всю зарплату будешь отдавать мне, я сама тебе буду выдавать деньги , остальное – на хозяйство и еду. Муж тётки на следующий день отвёл Ярмину на завод, где он сам работал охранником и имел знакомство с начальником отдела кадров, почему и смог договориться об устройстве несовершеннолетней племянницы во вредный цех – штамповочный, где производили пластмассовые детали, указав в анкете, что ей уже исполнилось восемнадцать. Мрачный и удручающе-грязный вид цеха даже немного сначала напугал Ярмину, которая никогда не видела заводов, но со временем она привыкла к этим полусвещённым, дурно пахнущим лабиринтам, заставленным различными станками. В цеху работали в основном женщины в возрасте, молодых не было. Мастер объяснил принцип работы станка и показал операцию производства детали на нём. Ярмина была смышлёной и быстро всё поняла, тем более что станок был один из простых в цехе. Со следующего дня она уже вышла на работу. Тетка недолюбливала свою племянницу, приехавшую к ней, её брат рассказал ей ситуацию с расстроенной свадьбой и об упрямстве своей дочери, что ей тоже не понравилось и она решила устроить “весёлую” жизнь для Ярмины. Каждый день она заставляла её мыть полы в доме, посуду, стирать на всю семью, а вечером Ярмина должна была перед сном ещё и вымыть всем ноги. Свою другую племянницу – Фаю, старшую сестру Ярмины, жившую у неё, она практически освободила от всех домашних дел. С едой тоже решила просто – давала есть младшей племяннице два раза в день – перед работой и вечером, причём ни с собой ничего не давала перекусить, ни денег на обед. Ярмина думала, что как только она начнёт приносить зарплату домой, отношение к ней тетки измениться, но ничего не изменилось, всё оставалось по-прежнему. Ярмина во время обеденного перерыва сидела на ящиках недалеко от входа в цех и на вопросы проходящих в заводскую столовую работниц цеха – почему она не идёт обедать – постоянно отвечала – “не хочу”, хотя есть очень хотелось. Она никому не хотела говорить о взаимоотношениях дома и что у неё нет денег на еду. Одежда её со временем обветшала от стирок, но денег, заработанных ею на заводе(а зарплата во вредном цеху штамповки пластмасс была не маленькая), тётка не давала ни на что, зато Фае – своей старшей племяннице, работавшей где-то секретаршей, ежемесячно покупали различные обновки и косметику. Ярмина очень похудела и осунулась за несколько месяцев. Однажды во время обеденного перерыва , когда она сидела на обычном своём месте, мимо неё проходил мастер цеха и спросил почему она не идёт на обед, и услышав в очередной раз , что она не голодна, и посмотрев пристально, взял её за руку и повёл в столовую. Там в приказном порядке сказал выбрать первое и второе блюда, причём Ярмина при этом смутилась, ведь денег у неё с собой не было ни копейки, но у кассы мастер сказал, что заплатит за всё сам. Похоже он догадывался, что домашние отбирают всю зарплату у Ярмины, потому как не раз видел, как её дядька каждый раз в день полочки вечером проверял списки и размер заработка в цехе. И так получилось, что работники цеха почти каждый день по очереди стали звать её с собой на обед чуть ли не насильно и платили за неё, отчего она стала чувствовать себя очень неуютно, каждый раз всячески пыталась отказать... Тут на неё свалилось очередная напасть – тело стало покрываться каким-то струпьями , кожа по

всему телу воспалилась и стала шелушиться. Тётке на это было наплевать, она издевательски говорила, что Ярмина либо много ест, либо не то. Заметив эту перемену в состоянии своей работницы, мастер сказал, чтобы Ярмина немедленно обратилась к врачу, а затем пошла бы к главному инженеру. Врач, осмотрев её, выписал больничный и узнав, что она работает в цеху штамповки пластмасс, сказал, что это следствие вредного производства. Главный же инженер, к которому Ярмина попала на приём через несколько дней, увидев её состояние и услышав, что она ещё не совершеннолетняя, вызвал к себе начальника отдела кадров и начальника цеха и устроил им “разнос”, после чего подписал перевод в другой цех – обработки металла, сказав, что её научат работать на револьверном станке.

-4-

В новом цехе работало много молодёжи, но женщин было всего две, с которыми Ярмина в скором времени сдружилась. На первых порах работа на новом станке у неё не ладилась, хотя заготовки и операция по нарезке резьбы на них была не очень сложная и мастер довольно доходчиво рассказал и показал как её производить, но детали, которые она держала специальными зажимами при обработке иногда прыгали в руках как сумасшедшие и норовили каждый раз выскочить. Несколько заготовок и пара часов понадобилось для того чтобы наконец первый образец получился, после чего работа пошла уже более успешно. Через пару дней мастер уже похвалил Ярмину за работу и качество получаемых изделий. Отношения с коллективом в новом цеху складывались очень хорошо – работающие здесь люди были доброжелательными и отзывчивыми, что очень радовало. В день её рождения, когда ей исполнилось семнадцать лет, они устроили ей настоящий праздник. Придя утром на завод к своему станку, Ярмина не узнала своего рабочего места – кругом висели разноцветные шарики и цветные ленты, на красивом большом плакате, умело разрисованном, красовалась надпись “Поздравляем с Днём рождения!”, а в обеденный перерыв девчонки накрыли два стола, взятых на время из конторки мастера и у начальника цеха, которые с удовольствием их дали на такое дело, и всем цеховым коллективом отметили это событие. Однако дома обстановка становилась всё невыносимее. Тётка, узнав, что её младшую племянницу перевели из вредного цеха в другой, наорала на Ярмину, что та не предупредила и не спросила совета у неё перед переводом, это было и понятно – зарплата на новом месте была меньше, а состояние здоровья племянницы её не волновало, важным было только одно – деньги, которые она приносила с завода. После этого в доме постоянно стали придираться к Ярмине, что она стала и плохо готовить, и бельё стирала ужасно, и после приборки было грязно. Всё это было очень обидно для девушки и она часто стала уходить вечерами из дома, чтобы где-нибудь в укромном месте поплакать в одиночестве. Как-то одним вечером её увидела проходящая с парнем Нинель – её подруга из цеха, и хотя Ярмина попыталась избежать разговора, чтобы не объяснять почему у неё такое заплаканное лицо, всё же пришлось после усиленных расспросов рассказать о обстановке в доме, и в общих чертах, почему пришлось уехать из родного села в город. Нинель прослушав рассказ о её злоключениях тут же предложила переехать жить к себе в комнату, которую она снимала вместе с другой девушкой с завода:

– Переезжай к нам от своей сварливой тётки, комната большая, место для троих будет достаточно, а соседей – одна только хозяйка “двушки” живёт в соседней комнате. Женщина спокойная и интеллигентная, без всяких претензий. У нас тебе всяко будет лучше и спокойнее.

– Спасибо, я подумаю, – ответила Ярмина, всерьёз задумавшись над предложением подруги.

Окончательно укрепились в этом решении после того, как попала в больницу, а случилось это так: после очередного вечернего скандала, устроенного тёткой после прихода домой, на следующий день на работе она упала у своего станка в обморок – от переживаний и голода

(в новом цеху ведь её больше не подкармливали, а тётка по-прежнему отбирала всю её зарплату и ничего не давала ей из съестного с собой на работу), ей вызвали скорую и увезли в больницу, где врач сказал, что у неё крайнее истощение организма и нервной системы. После недельного лечения различными успокаивающими лекарствами и укрепляющими средствами, её выписали из больницы, после чего она, собрав свои немногочисленные пожитки в доме тётки, переехала в комнату к заводской подруге. Там прожила больше месяца, радуясь тому, что никто не устраивает ей скандалов и не унижает её. И всё бы было хорошо, да вот тётка пожаловалась отцу, что она самовольно съехала, и он приехал, чтобы вернуть дочь домой в село, но на его требования она сказала, что не вернётся ни за что. Тогда он пригрозил ей тем, что добьётся её увольнения с завода через знакомых, но это не помогло ему. Однако, зная тяжёлый и упрямый характер отца, его склонность к побоям и его упрямство, она подумала об увольнении сама и решила уехать работать куда-нибудь подальше, где её будет непросто найти. Случайно на улице она увидела объявление о том, что на серпуховскую ткацкую фабрику, находящуюся под Москвой, требуются работницы на производство и решила уехать туда, записавшись на пункте вербовки работников в списки отъезжающих. В назначенный день всех завербовавшихся посадили на автобусы, отъезжающие в Серпухов, забрав у всех паспорта и сказав, что такой порядок при приёме на фабрику.

Глава 2. Серпухов

– 1 –

Дорога была тяжёлой, ехали трое суток и, практически только с одной остановкой в день, а учитывая, что автобусы были забиты почти вплотную, приходилось по очереди ехать на сиденьях, некоторые просто валялись с ног от усталости и духоты. В первый день поездки мелькающие за окном автобуса посёлки, небольшие города и деревенские пейзажи ещё как-то притягивали взгляд пассажиров, рассматривающих пролетающие картины дороги, но со второго дня пути только одна мысль, наверно у всех, сидела в голове – поскорее бы приехать, выйти из тесного душного автобуса и отдохнуть. На третий день ближе к вечеру этот утомительный переезд закончился и автобусы остановились на территории фабрики. Всех приехавших стали распределять в общежития и инструктировать по поводу трудоустройства и режима работы. Общежития заслуживают отдельного описания – это были серые, мрачные трёхэтажные здания с сырыми подвалами и тёмными грязными лестницами, по которым то и время постоянно шныряли крысы, нисколько не опасавшиеся жильцов, а скорее чувствующие себя здесь хозяевами. Некоторые из них достигали таких размеров, что живущие в общежитии просто иногда боялись выходить на лестницы, если видели там этих “незванных жильцов”, с которыми бороться было не только невозможно, ибо всё здание, как решето, было пронизано вдоль и поперёк дырами больших размеров, но и опасно – крысы просто могли наброситься на людей. Здания не ремонтировались годами и дыры в стенах не заделывались, а на жалобы жильцов администрация фабрики не обращала никакого внимания, потому как приезжих, работающих на фабрике и живущих в общежитиях, за людей в общем – то и не считали, это была просто “рабочая сила”, которая постоянно пополнялась желающими подзаработать, завербованными из “глубинки”. Зимой здания общежитий плохо отапливались, холод стоял такой, что вода в графинах, стоящих на подоконниках, замерзала, и живущим в комнатах женщинам и девушкам приходилось спать по двое в кровати, укрывшись всей тёплой одеждой, что была в наличии, но и это не помогало ночами согреться, в результате чего все ходили постоянно простуженными и часто болели. Ярмина попала работать в прядильный цех, причём первую неделю её обучали премудростям работы на прядильных станках, показавшимися ей сначала какими-то огромными

шумными монстрами, которые были готовы проглотить любого, приближающегося к ним. На станках располагались ряды с большим количеством крутящихся шпуль, на которые постоянно наматывались нитки, в задачу же обслуживающих эти станки входило следить за тем, чтобы нитки не рвались, а если это случалось, то необходимо было как можно быстрее связать концы оборванной нити особым узлом и заново пустить шпулю мотаться, а также снимать уже намотанные шпули со станка и ставить пустые для намотки. Через месяц Ярмине дали обслуживать самостоятельно уже семь прядильных станков – столько же, сколько обслуживали и давно работающие на ткацком производстве женщины. Со своей работой она справлялась отлично и мастер не раз хвалил её, и она подумала, что наконец-то сможет заработать денег и выслать своим сёстрам и братьям, оставшимся в селе, в Дагестане, потому как они там жили очень бедно, но этому не суждено было осуществиться, ибо администрация фабрики платила приезжим наёмным рабочим почти в два раза меньше, чем местным из Серпухов, считая, что они(приезжие) и так никуда не денутся, так как никто из них не был официально оформлен на фабрике, а паспорта у всех были отобраны администрацией при вербовке. С такими маленькими заработками приходилось экономить на всём – питались очень плохо и мало, одежду занашивали до дыр, постоянно приходилось что-нибудь штопать и зашивать, а из развлечений был только старый радиоприёмник, который вечерами ходили слушать в одну из комнат на втором этаже общежития, хозяйева которой никогда особо не возражали против гостей, разве что в исключительных случаях, когда собиралось слишком много народа, просили прийти в гости в другой день. По выходным прогуливались по городу да и то только в хорошую погоду, потому, как обувь была старая и в сырую погоду приходилось ходить с мокрыми ногами. Несмотря на плохие условия жизни, Ярмина всё-таки откладывала деньги для родных, отказывая себе почти во всём и, когда могла, отсылала их в Дербент. Так прошло полтора года, день ото дня которых ничем практически не отличался. В круг её общения входили только работницы из цеха, да живущие в общежитии. Но вот однажды в гости приехал парень из села, бывший одноклассник Ярмины, которого она никак не ожидала больше увидеть после окончания школы. Он привёз в качестве гостинцев много различных сладостей – и конфеты и варенья из различных фруктов и ягод, а ещё довольно большой мешок с любимыми Ярминой свежими гранатами. Соседки по комнате очень обрадовались гостю и его угощениям, а Ярмине было не очень удобно, ведь в своё время в школе, она не обращала внимания на пытавшегося ухаживать за ней Авиза, своего одноклассника, а он через столько лет нашёл как-то её и приехал навестить, преодолев такой длинный путь ради встречи с ней. Он рассказал о их селе, где после школы остался работать в совхозе, что было после отъезда Ярмины, как жили оставшиеся в селе сёстры и братья Ярмины, что они ей очень благодарны за ту помощь, которую она оказывала им своими денежными переводами. Вечером, когда он уходил, Ярмина подумала, что он уезжает из Серпухова обратно на родину, в Дагестан, но Авиз сказал, что хочет остаться в городе и устроиться со временем на работу. На вопрос не из-за неё ли он решил остаться, Авиз, немного запнувшись, ответил, что нет, отведя смущённо глаза в сторону. Тем не менее, через три дня он устроился работать на ткацкую фабрику слесарем-ремонтником. На два месяца его взяли учеником, а затем перевели на рабочую сетку. В общежитии он стал частым гостем. Как-то он принёс с собой старенькую магнитоу и молодые девушки решили устроить дискотеку в большом холле общежития. На звуки музыки из мужского общежития пришли любопытствовать несколько молодых парней и стали тоже танцевать. Через некоторое время эти стихийные дискотеки стали уже регулярными и устраивались вечерами по выходным и в пятницу после работы. Конечно же Авиз всё время приглашал на танцы и Ярмину, которая с большой охотой танцевала, особенно когда звучала их национальная музыка, и однажды после танцев он, набравшись храбрости подошёл к ней и предложил выйти за него замуж, сказав, что ещё в школе влюбился в неё. Это предложение застало немного врасплох Ярмину, конечно же Авиз был неплохим парнем и она очень хорошо помнила его по школе, но пока он вызывал у неё

только симпатию и не больше. Чтобы не обидеть его, она сказала, что не хочет торопиться с ответом и ей нужно время, чтобы разобраться и в себе и в их взаимоотношениях, на что он ответил, что будет ждать и надеется, что она скажет ему "да".

-2-

Со временем приезжие девушки, трудившиеся на фабрике, добились от руководства повышения оплаты труда и им стали платить наравне с местными работницами. Ярмина стала неплохо зарабатывать, и домой родным отсылала деньги и смогла себе кое-что купить из одежды и обуви, а когда она сходила в парикмахерскую и сделала причёску, то её стало практически не узнать, как она была хороша, а Авиз, увидев её, так начал объясняться ей в вечной и преданной любви, что у неё даже загорелись щёки. После этого он стал забрасывать её цветами, конфетами и небольшими подарками. Девчонки из общежития говорили Ярмине:

– Хотели бы увести от тебя такого классного парня, да он на нас никакого внимания не обращает, только тобой и бредит.

Прошло немного времени и на одной из встреч после танцев, они в первый раз поцеловались. Ярмине показалось, что произошло что-то сказочное и волшебное, она стала совершенно по-другому смотреть на Авиза, а потом ей пришла в голову мысль, что она уже не может без него жить. Тут как раз ей выделили отдельную комнату в общежитии и получилось так, что они вместе переехали в неё после этого памятного вечера, перевернувшего её жизнь. Авиз просто на руках её носил и в прямом и в переносном смысле, всюду они ходили теперь вместе и даже на работу. Он и по хозяйству всё делал, и готовил, и стирал. Все вокруг просто стали завидовать их счастью, потому как их лица постоянно светились радостью, а Авиз всё время повторял, что боится потерять Ярмину или шутил, что она не дай бог, его ещё разлюбит. Так прошёл почти год. Одним воскресным утром Авиз сказал: – Давай пойдём в ЗАГС и официально оформим наши отношения.

Ярмина крепко обняла его и поцеловала, и вечером следующего дня они подали заявление в ЗАГС, где им назначили день оформления брака, но ждать надо было три месяца. Прошёл месяц и Авиз как-то странно стал себя вести, реже обнимал Ярмину, стал ходить какой-то мрачный и молчаливый. Она всё пыталась выведать у него, что случилось, но он отмалчивался или поцелуем прерывал её расспросы, но однажды вечером он ей сказал, что в Дербенте сильно заболел его отец и ему необходимо уехать на какое-то время на родину, а Ярмина спросила как же она будет одна и что будет с их свадьбой? Он сказал, что до дня свадьбы в любом случае вернётся. На следующий день он взял билеты и вечером стал собирать вещи в дорогу, за полтора часа до поезда они стали прощаться, и конечно же не обошлось без слёз, но Авиз всячески успокаивал свою любимую, говоря, что их разлука ненадолго и он скоро вернётся. На следующее утро Ярмина, проплавав почти всю ночь, пошла на работу одна. На работе ничего у неё не клеилось, всё просто валялось из рук, подруги это заметили и стали спрашивать, что с ней случилось. Она рассказала про болезнь отца Авиза и их вынужденную разлуку, но её быстро успокоили, сказав, что всякое в жизни случается и не стоит так остро переносить его временный отъезд на родину к родителям. Ближе к вечеру, когда рабочая смена заканчивалась, одна из подруг по работе, подбежала к Ярмине и сказала, что только что видела Авиза у проходной фабрики, и что он ждёт её. Ярмина не поверила и, быстро прибрав рабочее место, побежала к выходу. На проходной действительно стоял Авиз, она подбежала к нему, обняла за шею, расплакалась и спросила почему он не уехал, а он ответил:

– Я не смог расстаться с тобой даже ненадолго.

– А как же отец? – спросила Ярмина.

– Я дозвонился брату и он приедет и присмотрит за ним, – ответил он.

Приближался день свадьбы, Ярмине в ателье сшили прекрасное свадебное платье, в котором она была похожа на настоящую королеву, а Авизу – тёмно-синий костюм, который сидел на нём просто великолепно. Вечером накануне их бракосочетания на Ярмину вдруг нахлынула какая-то волна непонятной ей тревоги, нет это не было обычным приятным волнением перед свадьбой, это было действительно непонятное чувство, которое и душило и тяготило её. Тело стало совсем вялым и безвольным, что с ней происходило она не понимала, а подруги, которые вместе с ней готовились к её свадьбе успокаивали её и объясняли всё обычным предсвадебным волнением. Тот день их свадьбы она не забудет никогда. Ночью так и не удалось поспать из-за непонятного чувства тревоги и усталости. Утром приехавшие подруги стали помогать одевать свадебное платье, но Ярмина вдруг сказала:

– Я не могу ехать в ЗАГС, сегодня случится что-то плохое.

– Да перестань ты нагнетать ненужную нервозность, это обычная предсвадебная лихорадка, -успокаивала её подруга.

Много сил потребовалось Ярмине, чтобы нарядиться к свадьбе и заставить себя поехать к ЗАГСу, и чем ближе был назначенный час церемонии, тем невыносимее была боль у неё в груди и нарастающее чувство тревоги и какой-то приближающейся неведомой беды. Авиз ждал её на улице в машине с кольцами, разукрашенной разноцветными лентами вместе со своим приятелем, который должен был стать их свидетелем. Ярмина вышла на улицу с подругой, собралось много народу из общежития посмотреть и поздравить молодых, было довольно шумно, играла музыка, кто-то уже начал плясать, но это не могло никак отвлечь её от всё нарастающего чувства тревоги, которое она старалась скрыть от окружающих и Авиза. Через минут двадцать они подъехали к загсу.

– Держи меня крепче, – сказала она своему жениху и Авиз повёл её в зал церемоний.

Женщина с красивой алой лентой, перекинутой через плечо, стала произносить торжественную речь, но Ярмина практически не слышала её, у неё в ушах слышался какой-то гул, все слова сливались в неразборчивое дребезжание, усиливалась боль в груди, она еле стояла на ногах. Уже интуитивно на вопрос женщины, проводившей церемонию, она сказала “да”, а после того, как Авиз одел ей кольцо на безымянный палец, она с трудом смогла надеть кольцо на палец ему, их поцелуй тоже прошёл как в тумане. После официальной части и оформления паспортов они поехали в общежитие отпраздновать свою свадьбу. Ступени на второй этаж общежития показались Ярмине бесконечно длинными, она всё больше и больше слабела от непонятной тревоги, и вот, когда Авиз открыл дверь их комнаты, она поняла своё нехорошее предчувствие. На стульях за столом в их комнате сидели трое – две женщины и мужчина. Одна из женщин помоложе, была худая, с печальным и измученным лицом, другая постарше, сидела чуть наклонившись вперёд, с хмурым выражением на лице, а мужчина был очень похож на Авиза, но старше и выше ростом. Увидев их Авиз оторопел, и было похоже, что он еле стоит на ногах. Общее молчание, как показалось Ярмине, затянулось очень надолго, все смотрели друг на друга непонятными, опасливыми и изучающими взглядами, как будто ожидая чего-то нехорошего. За окном и в коридоре были слышны голоса и какая-то весёлая музыка, явно несоответствующая обстановке в комнате. Первым прервал молчание Авиз – он тихим, хриплым голосом сказал Ярмине, указывая на неожиданных гостей:

– Это моя жена, её мать и брат.

Услышав это, она потеряла чувство реальности, всё поплыло перед её глазами, заворачиваясь в карусель каких-то непонятных образов и звуков, ноги перестали её слушаться и подкосились, она потеряла сознание. Сколько она была в забытии, она не знала, а очнулась на кровати от громко звучащих голосов в комнате. Она увидела заплаканное лицо молодой женщины и кричащих друг на друга Авиза и его брата. Ей захотелось встать и убежать, но тело перестало её слушаться, слёзы текли из глаз, она хотела закрыть хотя бы голову подушкой, но и это ей не удалось, настолько ослабела, и поневоле ей пришлось выслушать перепалку родственников.

Через какое-то время из услышанных ею обрывков их разговора, прерываемого бранью, она стала немного понимать что привело этих троих роковых гостей в день свадьбы в их комнату. А виз больше года назад уехал из Дагестана на заработки, как он сказал своим родственникам и жене. Дома с женой остались двое его маленьких детей – сын и дочка – близняшки, которым было по два годика. На попечение жены он оставил и стареющего отца, у которого было совсем плохо со здоровьем и ему требовался постоянный уход. Два месяца назад маленький сын Авида сильно заболел, его жена телеграммой просила его срочно приехать домой, но он не приехал. Месяц назад мальчик умер, а Авид даже не приехал на его похороны, хотя ему сообщили об этом и телеграммой и через знакомых в Серпухов, после этого он не давал о себе знать дома целый месяц, а оказалось в это время готовился к новой свадьбе, вот так! Увидев, что Ярмина пришла в себя, Авид сразу сказал:

– Любимая, я тебе всё объясню! -но сделать этого не успел.

Откуда взялись силы соскочить с кровати и выбежать из комнаты, Ярмина так и не поняла. Какая-то неведомая сила подхватила её и она выбежала из общежития, как была, в свадебном платье и побежала по городу наугад, не разбирая пути.

-3-

Как оказалась на вокзале в Москве, она не сразу и поняла. Очнувшись на скамейке в зале ожидания, с трудом припоминая прошедший вечер, как она ходила вся в слезах по городу, как на улице повстречала подругу Раю с фабрики и та проводила её на вокзал, дала своё платье и кофту в дорогу, купила билет на электричку из Серпухова в Москву и сунула ей в руку немного денег, но зачем она сюда приехала и что делать дальше она не знала. Так в полубезытии она просидела почти сутки, пока к ней не подошёл дежурный милиционер и не спросил её документы, на что она не сразу и ответила, потому как была словно бы под наркозом, улавливая только отдельные громкие звуки и какие-то тени проходящие мимо неё. Раза с третьего, когда уже лейтенант тронул её за плечо, она смогла вымолвить только слово “нет”. Он попросил её пройти с ним в отделение для выяснения личности, но видя, что она не в состоянии самостоятельно идти, повёл её, крепко придерживая за руку и плечо. В отделении её пытались расспросить кто она, откуда, что с ней случилось и зачем приехала в Москву, но она не могла отвечать. Воспоминания о кошмаре после свадьбы и слёзы душили её, и как она не пыталась что-то сказать, рыдания вырывались из её груди. Дежурный несколько раз пытался напоить её водой, чтобы хоть как-то успокоить и просил коллегу раздобыть что-либо от сердца – корвалола, валокордина. Через минут десять ей накапали в стакан капли и с большим трудом заставили выпить успокаивающее. Только минут через тридцать дежурному удалось узнать от неё, что она из Серпухова и работает на ткацкой фабрике, причём он и сам вымотался, хотя его коллеги не раз говорили ему посадить её в обезьянник и не цацкаться с ней, но что-то в ней было такое, что не позволяло ему этого сделать, да и он был человеком порядочным (такие редко встречаются в милиции), может от того, что недавно начал свою службу. Ему было её действительно жалко и он искренне поверил, что с ней случилась беда, но добиться от неё объяснения что именно случилось, он так и не смог, потому как этот вопрос вызывал только очередной поток слёз и он прекратил свои попытки разузнать ещё хоть что-то. К этому времени пришёл коллега сменить его на дежурстве, и он вместо того, чтобы составить протокол задержания, решил вывести её из отделения, нарушив свои служебные инструкции. Он повёл её к ближайшей закусочной, она покорно шла, ничего не говоря, ей было всё равно куда идти. Он уже больше ни о чём её не спрашивал, понимая, что это бесполезно. Пока они шли по улице, Ярмина немного успокоилась. Войдя в кафе он посадил её за столик так, чтобы видеть её, когда подойдёт к кассе, а сам пошёл и взял две порции сосисок с кетчупом, пару кусков хлеба и два чая. Присев за столик рядом, он сказал:

– Меня зовут Саша.

Но Ярмина ничего не ответила. Сначала она безучастно смотрела, как он с аппетитом заглатывал свою порцию сосисок, но потом, словно очнувшись от оцепенения, тоже стала жевать, глядя в одну точку где-то на стене. После выпитого чая она тихо сказала:

– Спасибо.

– Ну и что мне с тобой делать?– спросил он, и поняв, что не получит ответа, сказал,– давай-ка я тебя отправлю домой в Серпухов.

Она покорно пошла за ним к кассам вокзала, он купил ей билет и сунул в карман её кофточки, сказав:

– Не потеряй.

Затем он проводил и посадил её в вагон поезда, отходящего в нужном направлении. Когда до отправления осталось меньше минуты, он сожалея, что ничего толком не смог узнать о её несчастье, пожелал на прощание, чтобы все её беды поскорее прошли и она о них забыла. Она в ответ смогла произнести только:

– Спасибо за всё.

Так они и расстались. Ярмина впоследствии не раз вспоминала лейтенанта, его участие и на удивление такое доброе отношение к ней

-4-

Серпухов встретил Ярмину проливным дождём и пронизывающим ветром. Свинцовые тучи, нависшие над городом, как будто давили на неё сверху и ухудшали и так незавидное её состояние. Некоторое время она просидела на вокзале, обдумывая что ей теперь делать, взяла чашку горячего чая в буфете. Несколько глотков согрели её немного. Домой в общежитие она возвращаться не хотела, так как не могла больше видеть Ави́за после того ужасного дня, и решила поехать к подруге, которая одолжила ей платье и кофту, та жила в своей комнате в коммуналке. Через сорок минут поездки она вышла из автобуса на улице рядом с домом подруги. Был уже вечер и Ярмина надеялась застать её дома, так как подруга работала на фабрике эту неделю в первую смену. Нажав на звонок входной двери, она прислушалась, и вскоре раздались шаги. Ей открыла женщина, соседка подруги, и сказала, что та дома. Ярмина постучала в комнату и ей открыла Тома, подруга.

– Ну наконец-то,– сказала она -,мы уж с девчонками не знали что и делать и где тебя искать, я себя уже ругаю третий день за то, что отпустила тебя одну в Москву, но ты так настойчиво тогда говорила, что тебе нужно уехать, я и уступила. Ну очень хорошо, что вернулась! Давай-ка я тебя покормлю, ведь голодная наверно ходишь и переоденься в сухое – вон в шкафу возьми моё синее платье, оно тебе будет как раз.

Пока она пошла готовить на кухню, Ярмина переоделась и стала рассматривать газету, лежащую на столе. Это была городская газета и ничего интересного в ней не было, и она просто автоматически перелистывала страницы, на одной из них была сделана жирная пометка карандашом и это заинтересовало её. В заметке говорилось, что в Твери построен новый хлебокомбинат и идёт набор желающих устроиться на работу, и у комбината есть два собственных общежития.

– Может туда уехать работать, чтобы всё поскорее забыть? – промелькнуло у неё в голове. Подруги перекусили и Тома захотела спросить что Ярмина делала эти три дня, но поняв по выражению её лица, что не стоит заводить разговор на эту тему, стала сама рассказывать что нового было на фабрике за это время.

– Слушай, а это ты отметку в газете сделала? – прервала её Ярмина. Нет, это Зоя из соседнего цеха приходила вчера в гости и что-то тут в газете нашла. Ах, да, сказала, что хочет

уехать в Тверь, а то и работа на фабрике и условия жизни в общежитии её уже достали, а в Твери у неё вроде тётка живёт, вот она и захотела уволиться,— ответила Тома.

– Можно я у тебя сегодня заночую? – спросила Ярмина.

– Конечно, хоть у меня тахта небольшая, но поместимся как-нибудь, оставайся. Всю ночь Ярмину мучили кошмары, она часто вскрикивала во сне и просыпалась, подруга спротонок успокаивала её как могла, укрывая

одеялом, поглаживала по плечу и нащёптывая: “Всё хорошо, всё хорошо...” Так толком и не выспавшись обе утром пошли на работу на фабрику. Мастер, встретив Ярмину спросил, как прошла свадьба и как она себя чувствует, а то её подруги сказали ему, что она приболела и три дня провела дома, да и что-то выглядит она сегодня неважно. Но она ответила, что поправилась, а сегодня просто не выспалась, и всё в порядке.

– Ну тогда за работу, сегодня новая пряжа пойдёт, не очень хорошего качества, повнимательней, скорее всего будут частые обрывы ниток.

Во время обеденного перерыва подруги сказали ей, что Авиц похоже уехал в Дагестан со своими родственниками, но насовсем или на время, никто не знал. У Зои она спросила, действительно ли та собралась ехать в Тверь работать на хлебокомбинат или нет, а услышав утвердительный ответ спросила:

– Можно я с тобой поеду, здесь тоже оставаться не хочу?

Решили на следующий же день с утра забрать свои документы, так и поступили. В отделе кадров сказали, что их трудовых книжек и паспортов нет и чтобы они пошли к генеральному директору на приём и там всё выясняли. Но попасть к нему на приём было непросто, ведь путь в его кабинет лежал мимо секретарши – здоровенной тётки лет тридцати пяти, один взгляд которой говорил о том, что мимо неё и мышшь не проскользнёт, но подруги решили применить небольшую хитрость. Только они вошли в приёмную, как секретарша вышла из-за стола и приняв стойку бульдога, готового наброситься на непрошенных гостей, резко спросила их, что они тут делают. Зоя, подойдя поближе, как бы нечаянно задела вазу с цветами, та опрокинулась, вода пролилась на стол, а цветы полетели на пол. Зоя стала собирать цветы, а в это время Ярмина проскользнула в кабинет генерального мимо отвлекшейся секретарши, услышав уже сзади её ругательства. Директор сидел в кабинете за столом один, разговаривая с кем-то по телефону, бурно жестикулировал руками и не сразу обратил на Ярмину внимание, а только тогда, когда уже она стала убежать вокруг его стола от погнавшейся за ней с криком секретарши.

– Что тут происходит, прекратить! – прикрикнул он.

– Вот, ворвались без предварительной записи к Вам, – сказала секретарша. Ярмина подумала, что он сейчас потребует, чтобы они с Зоей убралась из его кабинета, и секретарша похоже тоже ожидала от него такой реакции на их появление, потому, как успела уже скорчить ехидную гримасу на лице, но на её удивление он спросил:

– Что у Вас случилось?

А затем добавил для секретарши:

– Оставьте нас, всё в порядке.

С большим трудом подругам, придумав на ходу историю про больную тётку в Твери, которая якобы при смерти, одинока и Зоя её единственная родственница, удалось убедить его в том, что им необходимо срочно уехать и они хотят забрать документы. Минут через пятнадцать после их взаимных претензий и различных доводов и угроз со стороны девушек, он сказал:

– Ладно, езжайте в свою Тверь.

Потом позвонил в отдел кадров и распорядился отдать им их документы. Девушки обрадовались, потому как наслушались от работающих на фабрике, что получить свои документы назад и уехать отсюда – это большая удача, так как работающие здесь приезжие были практически бесправны. Почему им сегодня мелькнула такая удача и директор практически “без боя

“ распорядился всё-таки отдать документы – осталось для них загадкой. В тот же день им удалось получить расчёт на фабрике.

Глава 3. На новое место.

-1-

Собираться в дорогу долго не пришлось. Ярмина с утра подъехала в общежитие, и узнав у вахтёрши, что Авиз не появлялся, быстро поднялась к себе в комнату, вытащила из шкафа и тумбочки свои вещи, упаковала их на скорую руку в две большие сумки. Хотела проститься с соседями по общежитию, но практически все были на работе, и она написала записку, что уезжает и просит прощения, что не смогла как следует попрощаться перед отъездом. Спустившись вниз с вещами, она отдала записку и ключи от комнаты на вахту. Вот и всё, теперь на вокзал, где они с Зоей договорились встретиться. Прощай грязная общага с промерзающими окнами и стенами, прощай фабрика с бесконечным каторжным трудом и грохотом цехов, прощай Серпухов, где не сбылась мечта о чистой и светлой любви. Опять новая дорога, новая надежда, что ждёт впереди неизвестно, а позади только боль и горькая обида, которую хочется забыть навсегда. Тверь, об этом городе она слышала от подруги, что он довольно крупный и находится не очень далеко от Москвы. Встретившись с Зоей, они сели на электричку и доехали до Москвы, где взяли два билета до Твери на проходящий вечерний поезд. Проводница вагона при посадке долго рассматривала документы Ярмины. Наверно её ярко выраженная кавказская внешность (а была она хоть и невысокого роста, но очень стройная, с выразительными глазами, аккуратно подведёнными тонкими бровями и длинными ресницами, тёмными, почти чёрными волосами до плеч, не броско, но хорошо одета) вызвала какое-то недоверие, но с документами всё было в порядке, и проводница пропустила подруг в вагон. Ехали часа два , а когда объявили остановку в Твери , быстро вышли из вагона, ведь поезд останавливался на станции только на три минуты. На платформе стояло старое одноэтажное здание кирпичного цвета удручающего вида, но оказалось, что это старый вокзал, новый же находился за путями, сообщался со старым подземным переходом и представлял собой современное стильное здание с высокой колонной, на которой красовались большие электронные часы оригинальной формы. Внутри было довольно уютно и просторно. Они с Зоей присели на скамейку в зале ожидания и Зоя пошла позвонить тётке, минут через пятнадцать она вернулась и сказала:

– Нас ждут.

Сели на рейсовый автобус и через полчаса вышли у пятиэтажного жилого дома, зашли во вторую парадную и поднялись на третий этаж. Звонok двери дважды громко звякнул и им открыла женщина лет сорока пяти, симпатичная, невысокая, одетая в яркий домашний халат.

–Здравствуйте, девочки, заходите пожалуйста,– сказала она и прикрыла за ними входную дверь, когда они вошли в прихожую.

– Раздевайтесь, мойтесь, будем пить чай, устали наверно с дороги. Вот в этой комнате пока и располагайтесь”, добавила она открыв перед ними дверь . Зоина тётя оказалась очень дружелюбным и гостеприимным человеком, весь вечер она кормила девушек различной вкусной домашней выпечкой, конфетами, поила чаем. За разговорами о работе, и просмотром телевизора быстро пролетело время и легли спать уже довольно поздно. На следующий день Зоя пошла с тёткой в жилконтору, а затем в милицию и оформила себе временную регистрацию на жилплощади тётки, Ярмине же было неудобно просить об этом и она решила идти устраиваться на работу пока без регистрации. Хлебокомбинат, на который приехали работать девушки, располагался в полчаса ходьбы от дома , где их временно приютила тетка Зои. В отделе кадров их принимала инспектор по вопросу трудоустройства – тучная женщина лет сорока в больших роговых очках, поверх которых она осматривала пришедших к ней. Девушки

заполнили предложенные им анкеты, и отдали свои паспорта инспектору. С Зоей вопросов не возникло, а вот Ярмине инспекторша сказала :

– Извините, но без местной регистрации мы больше не принимаем, закончились свободные места в общежитии.

Вот это был номер! И непонятно что было теперь делать. Но выйдя из отдела кадров, Ярмина придумала маленькую хитрость для того, чтобы её взяли на хлебокомбинат. Они сговорились с Зоей и переставили в паспорт Ярмины страницу с пропиской из Зоиного паспорта, потому как скрепки можно было разогнуть. Единственно, чего они опасались, так это того, что инспекторша обратит внимание на то, что на странице с пропиской стоит другой номер паспорта, но всё же решились рискнуть. Вернувшись в отдел кадров через четыре дня Ярмине повезло, и когда инспекторша спросила её:

– Что, никак оформила регистрацию?.

– Да, тётя подруги прописала, – ответила радостная Ярмина, так как её подлог не заметили.

Её оформили, как и Зою, формовщицей, страницы в паспортах девушки потом вернули на место. Через день они вышли на работу в горячий цех. Большой премудрости в работе формовщика не требовалось, просто было необходимо выкладывать заготовки из теста после формовки определённым образом на поддонах и отправлять их в пекарню, отбраковывая испорченные или некондиционные. На первый взгляд работа была не очень-то и сложная, но поработав несколько часов подряд, как на конвейере, девушки почувствовали, что сильно устали и на обеденный перерыв пошли почти разбитые, может это было только на первых порах так тяжело и они подумали, что со временем привыкнут. Столовая на хлебокомбинате была довольно большая, готовили конечно не ахти, но зато выпечка была разнообразная и вкусная. В столовой на них обратили внимание и попытались подсесть к ним за столик двое молодых парней в рабочей одежде, спросив новенькие ли они и давно ли здесь работают. За разговорами и едой быстро пролетел обеденный перерыв и девушки снова пошли в цех. После окончания смены у них было только одно желание – поскорее добраться до комнаты и принять “горизонтальное положение”, потому как и спина и ноги “гудели” после работы. Первая рабочая неделя длилась долго, как показалось Ярмине, хотя она и была привычная к физическому труду, но хотелось поскорее выходных. Она думала, что неплохо бы походить по городу и посмотреть что интересного есть в Твери, ведь этот старинный город стоит на Волге, и наверняка имеет много исторических памятников. Так они с Зоей и поступили в свой первый выходной – пошли гулять по городу. Погода стояла хорошая и, взяв направление к Волге, они с интересом стали рассматривать попадающиеся на пути дома. Подойдя к пешеходному мостику через небольшую речку (потом они узнали её немного смешное название – Тьмака) издали увидели военный монумент в виде довольно странной высокой стелы, устремлённой к небу, и похоже на самом верху должен был гореть огонь, но его не было, наверно только по праздникам зажигали, как им потом объяснили – это был монумент славы на площади Победы. Затем пошли дальше и с правой стороны улицы увидели большой собор, рядом стояла высокая колокольня, правда состояние и внешний вид стен собора говорили о том, что ремонт здания производился уже давно, но тем не менее это не умоляло общей красоты и величественности постройки, как прочитали на табличке, размещённой на стене, это был Спасо-Преображенский собор. За собором дальше по улице располагался какой-то дворец, тоже похоже давно не отремонтированный, а женщина, проходившая мимо, сказала, что это Путевой Императорский дворец, который строила Екатерина вторая, и наконец миновав дворцовый сад, они вышли к Волге. На их удивление она оказалась не очень-то и широкой, левый и правый берег соединяли два моста. Время ещё было достаточно и они перешли мост, там недалеко посреди парка стоял памятник Афанасию Никитину. Хорош, тверской купец, нос его корабля блестел на солнце, а сам он смотрел на Волгу. Решили возвращаться на квартиру, где жили, а то уже устали и

захотели есть. Вечером , вернувшись с прогулки, едва перекусив тем, что им приготовила тётя Зои, завалились на кровати отдыхать, нагулялись.

-2-

Прошли ещё две рабочих недели. Ярмине надо было как-то определяться с жильём, неудобно было надолго задерживаться у тёти подруги, ведь когда ехали в Тверь, то договорились с ней на несколько дней, и хоть её никто не просил съезжать, она решила “выбить” место в общежитии хлебокомбината, так как на съёмное жильё денег у неё не было. Расспросив у работающих на комбинате женщин про общежитие она узнала, что места-то есть, но комендантша сдаёт их по-тихому внаём, получая за это неплохие деньги. Через инспекторов отдела кадров устраиваться в общежитие она не решилась, потому как по слухам комендантша была с ними на короткой ноге ,поэтому решила обратиться к главному инженеру, с которым ей удалось переговорить через день и объяснить положение с жильём, он обещал помочь. Дня через два её вызвали в отдел кадров и дали направление на устройство в общежитие. Вечером после работы комендантша долго рассматривала её направление, потом куда-то позвонила ,спросила про Ярмину , после чего сказала:

– Пойдём, будешь жить на третьем этаже, комната триста двенадцатая.

Ярмина на следующий день принесла большой торт, поблагодарила тётю своей подруги за гостеприимство, собрала свои вещи и переехала в общежитие. Снова общага...Но эта хотя бы была намного приличнее, чем в Серпухове. И стены почище и стёкол на лестницах выбитых не видать, и туалеты и душевые в приличном состоянии. Правда на общей кухне, которая была рассчитана на восемь комнат, было тесновато, но в общем картина была намного благоприятнее, чем в Серпухове. Комната была большая – почти девятнадцать квадратных метров, в ней стояло две кровати , два стула ,стол, тумбочка и платяной шкаф. Окна выходили во двор, где было довольно много зелени , пара скамеек и детская горка.

– Ничего,– подумала Ярмина, -со временем и посуду куплю и занавески новые повешу, наведу уют.

Работала Ярмина на хлебокомбинате добросовестно, как и везде, её снова хвалили и стали уважать за трудолюбие и отзывчивость. Постепенно боль от ужасной обиды , нанесённой Авизом стала притупляться, она стала спокойнее спать по ночам и реже плакать от тяжких воспоминаний о прошлом. На хлебокомбинате на неё не раз обращали внимание молодые парни и пытались познакомиться и поговорить с ней, но она старалась держаться от них на расстоянии, ни с кем не заводя знакомства, слишком больно она “обожглась” и душевная рана ещё не затянулась. Ярмина продолжала по возможности отсылать деньги в Дагестан – ведь семья жила очень бедно, а ей было жаль младших сестёр и братьев, которые и плохо питались и одевались кое-как. Она написала домой письмо, рассказав в нём, что сейчас работает в Твери на хлебокомбинате и живёт в общежитии и всё более или менее благополучно, попросила младшую сестру написать что у них нового случилось в селе за время её отсутствия , на всякий случай написала номер сотового телефона Зои, своей подруги, та купила себе его с первой полочки на комбинате, ведь она могла себе это позволить – жила у тёти, а та ей помогала и материально и на еду практически денег не надо было тратить – тётя готовила . Через две недели пришло письмо от сестры , после прочтения которого Ярмина расстроилась. Отец всё также “терроризировал” семью, мать и сёстры часто прятались у соседей от него, и никто не мог найти на него управы, а тут ещё на одной свадьбе он напился и устроил драку с приглашёнными и избил женщину, она написала на него заявление в милицию, теперь ведётся следствие и похоже будет суд.

– Здесь – то проблем мне хватает, ещё и это, – подумала Ярмина, – Может всё образуется, отец попросит прощения и уладит это дело... хотя с его невыносимым характером вряд ли он что-либо будет предпринимать.

Так и получилось – через месяц пришла телеграмма уже от матери, когда она сообщила, что отец арестован, находится под следствием и ему грозит год колонии, ещё она просила срочно приехать ненадолго, так как слегла и пока не может заниматься домом и детьми, а её старшая сестра сейчас в Азербайджане и у неё нет возможности с ней связаться... Снова переезд... как она устала от всего, но делать нечего, придётся ехать в Дагестан... Она долго раздумывала над тем, как бы ей попросить начальника цеха об отпуске, хотя бы на несколько дней, ведь она ещё совсем недавно устроилась на работу, но потом всё-таки решилась показать телеграмму от матери и рассказать об отце. Начальник цеха, мужчина лет пятидесяти, всегда ходивший по цеху с озабоченным видом, выслушал Ярмину и согласился дать ей отпуск на десять дней за свой счёт, после чего она горячо его поблагодарила за сочувствие и понимание. Опять её ждёт дорога. Порой ей казалось, что вся жизнь будет проходить в бесконечных переездах и поездках, но она старалась поскорее отбросить эти мысли, ведь маму она любила и искренне хотела ей помочь в том тяжёлом положении, в котором та оказалась

Глава 4. На родину.

-1-

Билет до Дербента смогла купить только на бакинский поезд, о котором слышала, что он пользуется дурной славой за плохое обслуживание и грязные вагоны, но надо было поскорее ехать домой и выбирать не приходилось. На ближайшие три дня других билетов не было, а ехать через Москву с пересадкой она не решилась, о чём впоследствии пожалела... Через Тверь поезд проходил в 4 часа утра и ей пришлось добираться до вокзала на такси. Хорошо, что таксист оказался не 'рвачём' и не запросил много за дорогу. Бакинский стоял на перроне всего минуту, и проводник, сверив билет и паспорт Ярмины быстро отдал документы, сказав, чтобы она проходила в вагон. Даже при ночном освещении было видно, что коридор этого плацкартного вагона был грязным, что-то липкое и тёмное было разлито на полу в нескольких местах, и её туфли немного прилипали к полу при ходьбе. Стоял тяжёлый запах смеси дешёвого коньяка, колбасы, вяленой рыбы, грязных носов, алкогольного 'перегара' и ещё неизвестно чего. Ярмине хотелось идти и ничего не касаться. Во многих местах компании, состоящие из мужиков, похоже азербайджанцев по национальности, выпивали, ничуть не обращая внимания на спящих вокруг людей. Место 17, указанное в билете было почему-то занято и ей пришлось звать проводника, чтобы выяснить, где же ей ехать. Проводник сказал, что его попросили поменяться с 23-го места, и Ярмина может занять его, оно свободно и ещё добавил, что с неё сто рублей за бельё.

– Но у меня бельё включено в стоимость билета! – возмутилась Ярмина.

Проводник долго рассматривал билет, потом, что-то непонятное пробурчав на азербайджанском себе под нос, похоже какое-то ругательство, всё-таки принёс постельные принадлежности. Она застелила свою полку, и быстро юркнула под одеяло. Попыталась заснуть, но страшная духота, постоянные возгласы и смех выпивавших по соседству мужиков не давали ей полностью отключиться. Несколько часов прошло в полудрёме и каких-то кошмарах. Очередной раз очнувшись от чьего-то громкого возгласа, она решила пойти и немного ополоснуть лицо, так как сильно вспотела от жары в вагоне, но дойдя до туалета, поняла, что не сможет этого сделать. Пол был весь облёван кем-то из перепивших пассажиров, замок на двери сломан, а запах был такой, что её саму чуть не вырвало... Пришлось идти в соседний вагон. Там туалет тоже не отличался чистотой, он был весь затоптан, но хотя бы дверь закрывалась и на

полу ничего особенного не было кроме следов грязной обуви. Она сняла кофточку и слегка, как смогла ополоснула лицо и кое-где тело, обтёрлась полотенцем и почувствовала себя немного лучше. Вернувшись на своё место она снова легла. Есть ничего не хотелось, потому что её немного подташнивало и от духоты и от тяжёлого запаха, стоящего в вагоне. Попытки приоткрыть окно ни к чему не привели, проснувшаяся соседка сказала, что это бесполезно. Похоже замки были сломаны и окна вагона не открывались уже несколько лет, судя по ржавчине на защёлках.

– Да уж, – подумала Ярмина, – а ведь ещё двое суток в этом свинарнике ехать, дай Бог мне сил и терпения...

Через некоторое время женщина, ехавшая на соседней полке, проснулась и встала. Немного поговорив с ней, Ярмина узнала, что та тоже едет в Дагестан, и что обе они родом из соседних сёл и у них есть общие знакомые. Ярмина обрадовалась, что встретила землячку. Время за разговорами полетело быстрее. Самочувствие явно улучшалось, даже захотелось перекусить. Обе выложили свои припасы на столик и с аппетитом позавтракали, поделившись друг с другом припасами. Следующие сутки прошли без особых трудностей, правда по вагонам постоянно проходили лоточники, предлагавшие еду, питьё, спиртное, сувениры и какую-то одежду, поэтому постоянно приходилось следить за своими вещами, чтобы ничего не украли, но вдвоём это было делать значительно проще. На вторые сутки Ярмина услышала наконец долгожданное название следующей остановки – Дербент. Сердце у неё учащённо забилось – ведь она уже очень давно не была дома и в Дербенте... Не успела она выйти из вагона, как у неё возникло непреодолимое желание увидеть море, и хотя ещё надо было бы поберечь силы, чтобы добраться до села, она всё-таки пошла по направлению к побережью. С приближением к берегу Каспия она почувствовала ни с чем не сравнимый и давно ею забытый запах моря. В груди у неё что-то сжалось то ли от восторга, то ли от воспоминаний детства, и вот наконец показался берег и волны, которые накатывались на гальку и с шумным ворчанием постепенно отступали назад. Свежий ветер ласкал её лицо, от избытка нахлынувших чувств у неё стали подкашиваться ноги и она присела на большой валун у берега. Долго она не могла оторвать взгляда от горизонта, где небо, сливаясь с морем, играло бирюзовой, белой, синей и зелёной красками. Очнувшись от завораживающего оцепенения только тогда, когда по спине уже побежал холодок и озябли ноги. Ярмина встала и пошла обратно по направлению к вокзалу искать маршрутку до села. Поиски заняли немного времени и, сговорившись с водителем о цене, она заняла место у окошка. На привокзальной площади виднелся знакомый ей обелиск, поставленный здесь в память о политической забастовке 1905 года рабочих и служащих железной дороги. Вскоре старенькая газель полностью занятая пассажирами, отъехала от вокзала, впереди была новая волнующая встреча с домом...

-2-

Довольно быстро маршрутка выехала из города и за окном замелькали знакомые места – поля, холмы и виноградники. Дорога за городом была не в лучшем состоянии, ехали медленно и Ярмина могла долго рассматривать окрестности Дербента, которые они проезжали. Маршрутку сильно потряхивало и пассажиры каждый раз подпрыгивали на своих сиденьях, когда колесо попадало в очередную яму или на камень. Но вот показались и знакомые очертания родного села. Немало тут изменилось с тех пор, как Ярмина уехала из дома – появилось много новых домов, новые участки, засаженные плодовыми деревьями и кустарниками, проехали пару магазинчиков, которых раньше не было... Наконец остановка. До дома отсюда минут десять ходьбы. Усталость и волнение давали себя знать – девушка немного задрожала от озноба, вот и знакомый забор и калитка в воротах. Неуверенной рукой Ярмина открыла её. Во дворе две младшие сестры развешивали бельё на верёвках, и увидев что Ярмина приехала, тут

же подбежали с радостными криками и стали обнимать её. Как оказалось – остальных не было дома – кто ещё учился в школе, а кто ушёл на поля на заработки. Дома лежала только больная мама, которая увидев вошедшую Ярмину, тут же расплакалась. Девушка стала успокаивать её, как могла и та вскоре затихла и стала даже улыбаться своей дочери. Ближе к вечеру пришли все остальные, накрыли стол, лучшее из припасов, что были в доме, и начались расспросы, которые продолжались до позднего вечера. Те из детей, кто подрабатывал на виноградниках, рассказали, что совхозные угодья теперь перешли в частную собственность бывшему руководству совхоза, как это удалось им сделать понятно – взятки, связи, деньги. Для остальных сельчан ничего не изменилось – как батрачили за гроши на полях и виноградниках, так и продолжают, только теперь хозяин не государство, а бывший директор. Про отца рассказали, что он сидит в СИЗО* в Дербенте, следствие практически закончено и вскоре будет суд. На следующий день Ярмина с утра договорилась с соседом, чтобы он подвёз её до Дербента, она хотела пойти к следователю и сама выяснить всё об отце. Время до отъезда оставалось и она занялась работой по дому – выбила старенькие ковры, постирала занавески из двух комнат, сварила на плите овощной суп. Только собралась немного прибраться на кухне, как пришёл сосед, и она, быстренько переодевшись, села в его старенький ВАЗ. До прокуратуры Дербента доехали довольно быстро, минут за сорок-пятьдесят, правда пришлось снова потрястись по неровной дороге. К счастью следователь, который вёл дело отца, оказался на месте, но к нему было много посетителей и пришлось ждать приёма почти два часа. Войдя в кабинет Ярмина поздоровалась и представилась. Следователь впился в неё каким-то странным взглядом, под которым она себя почувствовала очень неудобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.